

Э.А. Орлова

Смена познавательных парадигм в изучении общества и культуры

(из журнала «Обсерватория культуры» / НИЦ Информкультура РГБ. – № 1/2004. – С. 13 – 20)

О сменах познавательных парадигм начали говорить в научных кругах с конца 1960-х годов. В это время становилось все более очевидным, что теории, представлявшие универсальными, не помогают объяснить множасьщиеся и остающиеся без интерпретации факты. Более того, многочисленные попытки исправить критическое положение дел не только не увенчались успехом, но лишь усугубляли его. Стали появляться новые теоретические модели, основания которых отличались не только от классических моделей, но и от тех, что обозначились в начале XX века. Постепенно на уровне фундаментальных наук и философии возникло убеждение относительно необходимости пересматривать сложившуюся познавательную парадигму. К 1980-м годам вокруг этой темы оформилось отчетливое интеллектуальное движение, получившее название постмодернизма. Значимой его характеристикой стал переход от представления об имманентной эволюции научного познания к утверждению обусловленности его направлений и акцентов положением дел в более широком социокультурном контексте.

Источники проблем в области социальных наук

Смена познавательных парадигм достаточно активно обсуждалась представителями социальных наук. Обобщая содержание дискуссий на эту тему, ведущихся с конца 1960-х годов, можно выделить основные источники и направления социокультурных изменений, обусловивших необходимость обновления теоретических подходов к изучению общества и культуры. Генеральной социокультурной тенденцией, интегрирующей такие изменения, принято считать совокупность модернизационных процессов, распространение которых в глобальном масштабе стало особенно заметным после Второй мировой войны.

Существенным стимулом модернизационных изменений стала беспрецедентная для новейшей истории интенсификация процессов урбанизации и деколонизации. Рост городов сопровождался усложнением и ускорением социокультурных процессов. Причем в такой мере,

что паттерны (стандарты) городской жизни, сложившиеся ранее, стали утрачивать эффективность в качестве механизмов организации совместного существования людей в условиях урбанизма. Превращение бывших колоний в самостоятельные государства способствовало росту культурного многообразия в контексте глобальных международных отношений. С одной стороны, культурные различия стали играть все большую роль в качестве детерминант формирования и поддержания связей между странами, а нередко и напряженности в этой области. С другой стороны, в сфере общественного мнения все больше внимания уделялось культурным контрастам между развитыми и развивающимися странами. Причем их трактовка охватывала весь ценностный спектр между полюсами — от сторонников радикальной модернизации до защитников сохранения локальной культурной самобытности.

Анализ глобальных социокультурных процессов позволяет выделить основные векторы изменений, вызванных модернизационными процессами в рамках ключевых областей социокультурной жизни.

Менялись основания институциональной социальной организации в обществе. В хозяйственной сфере продолжались усложнение системы общественного разделения труда и ускорение технико-технологического обновления. Политическая жизнь характеризовалась ростом среднего класса, усложнением его структуры и соответственно все более широким распространением демократии. В правовой области усиление социальной значимости юридического права, рационализация законодательства и правоприменения сопровождалась ослаблением действия священного и обычного права.

Существенные сдвиги происходили на уровне мировоззрения. Так, в области духовной (религиозной) культуры наблюдаются устойчивые тенденции движения от религиозной онтологии, утверждающей универсальность божественного миропорядка, к решению более узких вопросов религиозной этики. Это происходит на фоне усиления глобальной позиции *больших* религиозных систем, сосуществующих сегодня в соответствии с принципами взаимной толерантности.

Философская культура сегодня характеризуется значимыми мировоззренческими сдвигами. Во-первых, переход от монизма к плюрализму оснований философского миропонимания расширился от дуализма *идеализм-материализм* до признания правомерности множественности *моделей мира* в рамках обоих течений. В результате их перестали противопоставлять и считать противоречащими друг другу. Во-вторых, онтологический редукционизм в

трактовке отношений человека с объективной реальностью сменился гносеологическим априоризмом, обусловленным признанием так называемого антропного принципа.

Изменения в области искусства в самом общем виде можно свести к двум генеральным тенденциям. Одна из них заключается в том, что определенный художественный стиль перестал рассматриваться как обязательная совокупность принципов формообразования, идентифицирующая произведение подлинного искусства. На смену этому пришла концепция полистилистики, допускающая присутствие в произведении искусства сразу нескольких различных принципов формообразования. Другая тенденция — снижение значимости миметического начала в искусстве, открывшее широкие возможности для активного конструирования виртуальных миров. Наконец, специфичным для современного состояния науки является все возрастающее понимание ее конструктивной природы. В научных кругах все реже говорят об *открытиях* и о *законах* и все более широко распространяется представление о том, что научное познание — это моделирование связей человека с окружением, соответствующих решению социально значимых задач и проблем.

На институциональном уровне трансляции социокультурного опыта модернизационные изменения столь же существенны. В области образования при всем ее консерватизме наметилась отчетливая тенденция перехода от доктринерства к обучению решать проблемы. В сфере просвещения классический идеал энциклопедизма сменяется прагматической ориентацией на помощь людям в освоении культурных кодов. Для средств массовой информации характерен сдвиг от национально-культурной погруженности к формированию языка глобальных межкультурных коммуникаций.

Таким образом, на институциональном уровне процессы модернизации породили ряд динамических тенденций, являющихся новыми для современной мировой культуры. Пока они в достаточной степени не отрефлексированы, и соответствующие культурные паттерны еще не сложились. И хотя изменения затрагивают названные институциональные сферы отнюдь не полностью, людям приходится считаться с ними и вносить в структуру и функции наличных институтов осмысленные адаптивные изменения.

Однако модернизация затрагивает не только область социетальных¹ институтов, но и обыденную жизнь людей. Изменились некоторые принципы ее социальной организации. Так, домашний быт все более технологизируется. Причем, постепенно усиливается зависимость людей от технических средств, составляющих их непосредственное окружение. В то же время к минимуму сводится значимость натурального хозяйства как источника жизнеобеспече-

¹ Социетальный — институциональный на общесоциальном уровне.

ния, и оно все более зависит от денежного эквивалента работы в рамках институциональной системы общественного разделения труда.

Меняется форма социальной стратификации. Ослабляются внутрислоевые, сетевые связи — семейные, дружеские, соседские. Размываются межслоевые границы, особенно в пределах среднего класса развитых обществ за счет сближения уровня, образа, качества жизни.

На уровне морали локальные нравы и обычаи теряют действенность из-за включенности людей во множество реальных и виртуальных структур социального взаимодействия и коммуникации с различными нормативными установлениями. Меняется обыденное мировоззрение. По мере усложнения социокультурного окружения и массовом отставании членов модернизирующихся обществ в скорости освоения происходящих вокруг изменений все более широко распространяются суеверия. Обыденная философия характеризуется переходом от мировоззренческих стандартов, predetermined сословной культурой, к вероятностным представлениям, свойственным культуре массового общества. Происходит деконструкция сословных стилей жизни. В результате усиливается социальная напряженность, вызываемая расхождением между необходимостью социокультурной идентичности и широким распространением стереотипов массовой культуры. В сфере практического знания все более заметен переход от нерелексивного использования социокультурных стереотипов к ориентации на личностный жизненный опыт.

Таким образом, на уровне обыденной жизни люди вынуждены реагировать на модернизационные изменения. Затруднения, связанные с адаптацией людей в этой ситуации, обусловлены тем обстоятельством, что на уровне социетальных институтов пока нет социально приемлемых образцов ее упорядочения.

Сказанное позволяет выделить некоторые общие последствия модернизационных изменений, обуславливающие современную проблемную социокультурную ситуацию глобального масштаба.

Во-первых, меняются акценты в отношениях людей с окружением. Искусственный мир становится все более динамичным и сложным для освоения и контроля. Ситуация усугубляется тем, что порождение, распространение и освоение культурных инноваций осуществляется разными группами людей. Это относится ко всем измерениям искусственного окружения: реальным и виртуальным объектам, технологиям, регуляторам социальных отношений, оценочным критериям.

Во-вторых, социокультурная реальность меняется быстрее, чем осваивается. Это приводит к возрастанию объема неупорядоченных артефактов, вызывающему в массовых масшта-

бах представление о неопределенности отношений с окружением; тревожность как реакцию на необходимость их упорядочения; социальную напряженность как мобилизацию ресурсов для восстановления контроля над искусственным окружением.

В-третьих, социальные контакты стали более многочисленными и подвижными по сравнению, скажем, с первой половиной XX века. В то же время культурные паттерны их динамической организации еще не сложились. Это вынуждает людей затрачивать много усилий и времени на установление и поддержание социокультурных связей, которые впоследствии оказываются структурно нестабильными и функционально не эффективными.

Проблемообразующие последствия такого рода в большей или меньшей степени распространены в глобальном масштабе. Они затрагивают развитые и развивающиеся страны; национальные и этнические культуры; высшие, средние и низшие слои общества; гендерные и возрастные группы; институциональный общесоциальный и обыденный уровни социокультурной реальности. Незатронутыми модернизацией остаются немногочисленные зоны социокультурной реальности со своими распределениями в разных странах. Но не они детерминируют происходящие здесь структурные изменения. Следует подчеркнуть, что культурные и социальные инновации возникают прежде всего в развитых странах, а их результаты и последствия заимствуются в развивающихся. Именно межкультурными различиями объясняется тот факт, что процессы модернизации, происходящие в странах-донорах и странах-реципиентах, оказываются структурно нетождественными. В силу того, что в развитых странах до сих пор накапливаются неосвоенные необходимым количеством членов общества культурные и социальные инновации, здесь появляются их непредвиденные негативные последствия, которые распространяются и на страны-реципиенты. Сохраняющаяся в мировом масштабе безуспешность попыток устойчивым образом — как в прошлом — организовать социокультурный порядок позволяет говорить о наступившей смене культурных парадигм.

Направления смены познавательных парадигм в социальных науках

Выше обозначена проблемная ситуация, выходы из которой моделируются и в социальных науках, специально предназначенных для изучения общества и культуры. Как известно, модернизация — длительный социокультурный процесс, начало которого принято относить к середине XIX века и который в глобальном масштабе осуществляется до сих пор. Его последствия по мере проявления последовательно обсуждались в философии и социальных науках. Однако внимание к ним не было постоянным. Оно активизировалось по мере того, как существующие теории оказывались не эффективными в объяснении новых социальных и

культурных фактов. В отношении рефлексии к способам социально-научного познания можно выделить следующие наиболее очевидные этапы.

Один из них относится к периоду раннего модерна (первые десятилетия XX века). В это время впервые обнаружили существенные расхождения между классическими трактовками социальных и культурных процессов, с одной стороны, и противоречащими им фактами — с другой. Стала очевидной несостоятельность концепции социального и культурного прогресса. Новые факты не подтверждали основные положения классического эволюционизма. Тем не менее, исходные основания классической парадигмы изучения общества и культуры оставались неизменными и не были отрефлексированы. Появляющиеся теоретические концепции были направлены на сохранение исходных допущений об онтологических единстве и целостности мира, об объективных законах миропорядка. На какой-то период попытки сохранить классическую познавательную парадигму были успешными. Поправки к имеющимся общим теориям позволяли интерпретировать происходящие социокультурные изменения, но эти интерпретации становились все более генерализованными, лишаясь конкретных частных, имеющих, однако, социальную значимость для современников. Такие поправки по мере их накопления меняли структуру и содержание теорий. Однако это оставалось незамеченным, поскольку не осуществлялась рефлексия к их метафизическим основаниям.

Другой всплеск критических дискуссий вокруг расхождений между существующими теориями и фактами социокультурной жизни относится к рубежу 1960 — 1970-х годов. В это время появились первые сомнения относительно общества и культуры как единых целостностей. Они подтверждались все большим количеством фактов, тем более что в социальных науках широко применялась общая теория систем, допускающая эмпирическую проверку построенных на ее базе утверждений. Кроме того, в очередной раз обострились споры между сторонниками реификации² теорий, рассматривающими их как изоморфные *объективной* реальности, и теми, кто придерживался позиции логического позитивизма и полагал, что теории — это модели реальности. В ходе дискуссий появились первые работы, связанные с осмыслением оснований социально-научного знания.

Стимулом к этому стали работы К. Поппера и его последователей, нашедшие широкое распространение среди философской и научной общественности того времени. Сторонники рефлексивной социологии и культурной антропологии продемонстрировали не только возможность, но и плодотворность осмысления исходных допущений, на которых базируются теории общества и культуры. Более того, они показали, каким образом содержание таких

² Реификация — от англ. reify — наделение категорий качествами реально действующих субъектов.

Источник: *Обсерватория культуры*. — 2004. — № 1. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru/?news-jok>

теорий зависит от исходных, в первую очередь, метафизических оснований. Для целого ряда ученых, особенно молодого поколения, на этом кончилась практика реификации социально-научных категорий и теоретических моделей. *Социальное конструирование реальности* (П. Бергер и Т. Лукман) стало признанной и системообразующей модальностью в познании общества и культуры.

В результате подобных изменений представления о необходимости смены познавательных парадигм в социальных науках утвердились достаточно прочно. Тем не менее, метафизические основания исследования общества и культуры оставались в общем прежними и являли собой синкретичное сочетание классических представлений и поправок к ним, осуществленных в период раннего модерна.

Третью критическую волну, связанную с познанием общества и культуры, можно отнести к 1980-м годам. Она была столь заметной, что получила собственное название — постмодернизм. Это широкое интеллектуальное течение, зародившееся в сфере искусства, впоследствии охватило философскую и социально-научную области культуры. В его рамках рефлексия к основаниям познания и — шире — отношений человека с окружением стала ведущим принципом философского осмысления реальности. В результате началась последовательная деконструкция общепринятых теоретических моделей общества и культуры, в ходе которой выявились априоризм и слабая логическая связанность исходных метафизических допущений о природе социокультурной жизни, а также иллюзорность претензий существующих теорий на объективность в классическом понимании этого слова.

Параллельно предпринимались попытки, причем весьма успешные, сформировать новые познавательные основания. Они существенным образом отличались от классических, поскольку уже не *объективная реальность*, а результативная активность человека помещалась в центр осмысления взаимодействий человека с окружением. При этом основной акцент ставился на конструктивных аспектах такой активности. Таким образом, можно сказать, что в период постмодерна в социальных науках не только осуществляется деконструкция прежней познавательной парадигмы, но и закладываются определенные основания новой. Процесс ее формирования продолжается до сих пор.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что описанные изменения связаны с модернизационными социокультурными процессами и могут быть обобщены в терминах Т. Куна как дихотомия *нормальной науки* и периода научной революции.

В таком контексте под парадигмой будет пониматься совокупность следующих формообразующих параметров познавательного процесса: исходные основания, задающие границы предметной области изучения; содержание предметной области, заданное ключевыми категориями; классы решаемых проблем; методы наблюдения и анализа, соответствующие определению предметной области и характеру решаемых проблем, способы построения теоретических обобщений и установленные критерии оценки их достоверности. С этой точки зрения можно провести различия между периодами существования науки в *нормальном* и *переходном* состояниях.

Для *нормального*, в данном случае классического состояния, характерна определенная совокупность конвенциональных принципов организации социально-научной деятельности. Исходные основания построения исследовательской программы не рефлексированы; предметная область определяется через составляющие ее законченные в своей форме объекты; категории реифицируются; проблемы тождественны задачам, т. е. разрешаются с помощью существующих теорий. Методы стандартизованы; теоретические обобщения суть производные от общей теории, признанной научной общественностью в качестве истинной и изоморфной объективной (в классическом смысле) реальности.

При смене познавательных парадигм социально-научный поиск организуется по-иному. Обязательной становится рефлексия к исходным основаниям выделения предметной области исследования. Осуществляется деконструкция стереотипных представлений о предметной области, а при определении ключевых категорий ее описания особую значимость приобретает содержание проблемы, сформулированной исследователем (*позиция наблюдателя*). Решение проблемы предполагает инновационный поиск, а не сведение полученных данных к существующим теориям. Сомнению подвергается универсальность ранее использовавшихся методов сбора и анализа информации; существующие общие теории переходят в статус частных, поскольку очевидными становятся границы их применимости; умножается количество теоретических моделей, структурирующих формирующуюся предметную область изучения и соотносящихся на принципах либо конкуренции, либо дополнительности.

Конкретное содержание смены познавательных парадигм, связанное с процессами социокультурной модернизации, представлено ниже в виде таблицы, где изменения сравниваются по двум измерениям. Во-первых, речь идет об общей структуре познавательного процесса, рассматриваемого с культурно-антропологической точки зрения. Ее можно свести к следующим необходимым компонентам: определение источника проблемы; цель исследования; позиция наблюдателя; методы исследования (отношения с предметной областью); ха-

раक्टर результатов исследования; познавательные последствия решения проблемы. Во-вторых, в идеально-типической форме представляются познавательные парадигмы, точнее — совокупности принципов организации научного поиска, последовательно сменявших друг друга в XX в.: классическая, модернистская, постмодернистская, складывающаяся новая.

Конструктивная феноменология как подход к изучению социокультурной реальности³

Изучение становления социальных наук в XX в. позволяет выделить ряд проблем, относящихся к изучению устойчивых и изменчивых характеристик совместного существования людей и до сих пор остающихся нерешенными. Если обратиться к зоне пересечения тематики социологии и культурной антропологии, — а именно здесь сосредоточены научные интересы автора, — то можно выделить проблемные области, мешающие адекватному объяснению и прогнозированию динамики социальных и культурных феноменов.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что пока систематическим образом не отрефлексированы исходные основания концептуализации категорий *общество* и *культура*. В результате нетрадиционные проблемы социального и культурного характера продолжают решаться традиционными способами. В этом случае интерпретации и объяснения современных событий оказываются необоснованными.

Далее, выясняется, что категории *общество* и *культура* не имеют четких операциональных определений, но, тем не менее, трактуются как *системы*. В результате предметные области, обозначаемые этими категориями, в настоящее время являются спорными и размытыми. Неопределенность единиц анализа и наблюдения, характеризующих эти области, обусловливает неясность целей их изучения и необоснованность типологий и диагнозов состояний того, что принято обозначать как *общество* или *культура в целом*.

Обнаруживается также расхождение между спекулятивными теориями макродинамического характера (эволюционизм, циклизм) и функционалистскими построениями, подвергающимися эмпирической проверке. Оно ведет к тому, что теоретический, логический переход от представлений об обществе и культуре как целостных динамических системах к эмпирически установленным функциональным зависимостям между социальными или культурными фактами оказывается невозможным.

³ Направление разрабатывается коллективом Института социальной и культурной антропологии Государственной академии славянской культуры.

Изменение познавательных оснований в период социокультурной модернизации				
	Классика	Модерн	Постмодерн	Настоящее время
Источник проблемы	объективное противоречие в реальности	противоречие между знанием и объективной реальностью (факторами)	расхождение между теоретическими моделями реальности	расхождение между наличными теориями и новой постановкой проблемы
Цель исследования	открытие источника противоречия и «естественной диалектики» его преодоления в ходе самодвижения объективной реальности	приведение теории в соответствие с фактами	определение отношений между теориями: общая – частная, дополнительность – отнесенность к разным предметным областям	приведение теории в соответствие с изучаемым классом проблем
Позиция наблюдателя	отстраненный наблюдатель: полное невмешательство в реальные процессы	включенный наблюдатель: учитывается влияние инструмента исследования на реальные процессы	участник-наблюдатель: принимается во внимание активность исследователя при выборе единиц анализа и наблюдения	проектировщик: конструирование отношений с окружением
Методологические принципы	объективная экспериментальная логика: верификация полученных обобщений	«антропная» экспериментальная логика: верификация полученных обобщений с учетом влияния инструмента исследования	деконструкция	проектирование и конструирование
Характер результатов исследования	открытие объективных законов, действующих в реальности (теория изоморфна реальности)	выявление эмпирических закономерностей, наблюдаемых в реальности (теория отражает реальность)	выявление метафизических оснований, на которых строится теория (теория как виртуальная реальность)	решение проблем, возникающих в отношениях человека с различными областями реальности (теория как организация отношений с реальностью)
Познавательные последствия решения проблемы	движение к истине: приращение знания о едином, целостном, объективном мире	прагматическое использование знания: инженерное применение знания об объективных закономерностях	критическое использование знания: выявление границ применимости и негативных последствий использования научного знания	критико-конструктивная модель познания: выявление социальной «цены» прикладного использования науки и поиска нового знания

К этому следует добавить неотрефлексированность соотношения содержания понятий *общество и культура, социальное и культурное* и «разведение» социологии и культурной антропологии как различных и самодостаточных наук. Следствием этого стало постоянное смешение в рамках обеих наук структурных и содержательных аспектов рассмотрения со-

вместного существования людей, что мешает установлению причинных и функциональных связей между ними.

Наконец, следует отметить неправомерно расширительное толкование понятия *развитие*, *эволюция* и необоснованность методов изучения соответствующих процессов. Сегодня эволюцией (развитием) называются любые последовательности изменений, происходящих в окружении людей и в их отношениях. При этом забывается, что эволюцией называется совершенно определенная форма процесса, характеризующаяся количественным приращением разнокачественных элементов с последующей интеграцией и повышением уровня их организации. Соответственно возможность выделения иных форм социальных и культурных процессов не принимается во внимание. Кроме того, изучение динамических аспектов совместного существования людей принято осуществлять с применением математической статистики, основания которой, как известно, несопоставимы с основаниями математического анализа, задающего формализованный образ эволюции (эвольвента). Таким образом, достоверность результатов осуществляемых в этом случае расчетов оказывается неопределенной.

Наличием этих проблем обусловлен ряд препятствий, мешающих при изучении динамики социальной жизни установить логические связи между:

- теоретическим и эмпирическим уровнями изучения общества и культуры;
- социальными и культурными факторами, обуславливающими устойчивость и изменчивость в сфере отношений людей с окружением;
- эмпирическими регулярностями при необходимости построения теорий среднего ранга;
- результатами фундаментальных исследований и прикладными разработками.

Ниже предлагается своего рода теоретический образ одного из возможных направлений решения названных проблем и преодоления перечисленных затруднений. Оно условно названо *конструктивной феноменологией*. Феноменологическим его правомерно считать потому, что речь идет об изучении того, что поддается наблюдению и интерпретации не только исследователями, но и людьми, не занимающимися профессионально изучением общества и культуры. Оно определяется как конструктивное, поскольку базируется на допущении о том, что социальные и культурные феномены формируются в контексте взаимодействий и коммуникаций между людьми.

Предметное поле исследований в рамках этого направления определяется несколькими наборами оснований.

Во-первых, выделяются исходные допущения, позволяющие концептуализировать идею совместного существования людей:

- принятая здесь социобиологическая трактовка совместного существования людей означает, что предпосылки социальности естественны, определяются природой человека как биологического вида;
- категория социальности раскрывается через дополнительные категории взаимодействия и коммуникации человека с окружением. Взаимодействие с окружением начинается с метаболических процессов (обменные процессы между организмом и средой) и распространяется на все остальные виды человеческой активности. Взаимодействие сопровождается коммуникацией, ведущей к символизации устойчивых результатов и паттернов взаимодействия;
- разделение понятий *взаимодействие* и *коммуникация* подразумевает логическое разведение понятий *социальное* и *культурное* как формы и содержания совместного существования людей. При этом культура понимается как искусственный мир и заученная организованная активность людей;
- действие (деятельность) рассматривается как производная взаимодействия, детерминирующего его структуру и функциональную значимость; в процессах взаимодействия люди заучивают приемы и процедуры организованного участия и обмена информацией в их рамках;
- взаимодействие и коммуникация организуются в пределах индивидуального жизненного цикла с помощью категории *образ жизни*, объединяющей условия и процессы жизнедеятельности людей.

Такая трактовка социальности позволяет перейти к формированию исходных оснований определения концепции жизненной среды (жизненного мира) человека. Оно предполагает отыскание способа теоретического совмещения категорий *общество* и *культура* в той их форме, которая была обозначена выше.

Концепция *общества* представлена тремя базовыми измерениями, каждое из которых имеет подробную теоретическую интерпретацию, поскольку они являются основными социологическими подходами к изучению социальных фактов. Институциональное измерение задает нормативную матрицу социальных взаимодействий и коммуникаций; стратификационное измерение предполагает дифференциацию членов общества по типам образа жизни в рамках относительно устойчивых нормативных матриц; сетевое измерение выделяет механизмы взаимодействия и коммуникации, обуславливающие поддержание и изменение паттернов образа жизни и компонент социальных институтов. Таким образом, формируется кон-

цепция социального пространства, определяемого структурированием социального взаимодействия и коммуникации.

Концепция *культуры* формируется на пересечении двух фундаментальных культурно-антропологических параметров. Во-первых, это фундаментальные доминанты в организации отношений людей с окружением: социальная организация (хозяйственная, политическая, правовая культура), социально значимое знание (религия, философия, искусство, наука), трансляция социально значимого опыта (образование, просвещение, средства массовой информации). Во-вторых, это способ освоения социокультурного опыта — обыденный и специализированный. В этой системе координат определяются особые культурные коды, детерминирующие организацию взаимодействия и коммуникации в каждой из областей культуры на каждом из уровней. Эти коды на специализированном уровне дифференцированы и институционализированы в форме общественного разделения труда, а на обыденном уровне — обусловлены так называемыми естественными классификациями. Таким образом, складывается концепция культурного пространства, формируемого распределением культурной информации вокруг жизненно важных для людей связей с окружением.

Совмещение определенных таким образом концепций общества и культуры целесообразно осуществлять через дополнение структурных характеристик отношений между людьми (институты, слои, сети) также и содержательными (культурная кодификация взаимодействий и коммуникации). Результат этого совмещения обозначается как социокультурный потенциал общества. Его распределение по типам поселений характеризует социокультурное пространство, в пределах которого реализуется совместное существование людей.

Процессуальный аспект такого существования или траектории движения людей в подобном пространстве упорядочиваются с помощью категории *образ жизни*. В структурном плане она характеризует распределение фундаментальных ресурсов человека — времени и энергии — между четырьмя ключевыми модулями жизнедеятельности — жизнеобеспечение, социализация, социальная коммуникация, рекреация. В динамическом отношении эта категория определяется сменой рутинных и проблемных жизненных ситуаций. При этом рутинные ситуации обуславливают устойчивое соотношение модусов жизнедеятельности, а проблемные предполагают вероятность его изменения. Соответственно первые характеризуются стереотипными стандартами взаимодействия и коммуникации, а вторые — необходимостью их деконструкции, поиска адекватных образцов решения проблем и установления новых стереотипов. Отсюда следует, что категория *образ жизни* позволяет логически связать представления об условиях и процессах жизнедеятельности людей. Таким образом, аналитической единицей

при изучении движения людей в социокультурном пространстве является не личность, а индивиды в их непосредственном окружении, в контексте их сетевых взаимодействий и коммуникаций.

Исходя из сказанного, можно попытаться определить ключевую для конструктивной феноменологии категорию социокультурной реальности. В общем виде она строится путем совмещения концепций социокультурного пространства и образа жизни людей, формирующих в пределах этого пространства свои социальные сети непосредственных отношений с окружением, или жизненные миры. Динамическое значение категории *образ жизни* открывает возможность выделять социальные силы, поддерживающие (воспроизведение рутинных ситуаций) и меняющие (поведение в проблемных, особенно социально значимых ситуациях) не только знания, навыки, отношения людей, но и конфигурации жизненных миров, более широкого социокультурного пространства.

Разработка на этих основаниях направления, обозначенного как конструктивная феноменология, позволяет решить в рамках социальной и культурной антропологии целый ряд задач, связанных с перечисленными ранее проблемами. Прежде всего, доступными наблюдению и анализу становятся социальные и культурные механизмы динамики социокультурной реальности в условиях современности, а не в масштабах исторического времени. Далее, появляется возможность проследить распределение действия этих механизмов в физическом (поселения), социальном (институциональные позиции в обществе), культурном (специализированные и обыденные области культуры) пространстве и выделить источники, локусы поддержания и изменения конкретных социокультурных феноменов. Наконец, достаточно четко определяются динамические тенденции в обществе в связи с различными направлениями решения социально значимых проблем и задач. Применительно к изучению динамики модернизационных процессов это предполагает получение ответов на вопросы, какие проблемы и задачи, обусловленные модернизацией, решаются в обществе, кем, в какой области социокультурного пространства, с каким уровнем компетентности, с какими дифференциальными социальными и культурными последствиями.

Исходя из такого теоретического знания, можно осуществлять любые прикладные разработки, направленные на сохранение или изменение конкретных институциональных образований в соответствии с распределением социальных потребностей в социокультурном пространстве. Причем не только более обоснованными становятся соответствующие программы и проекты, но и появляется возможность оценить их социальную эффективность.